

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

XI

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ



*Е. А. ДАВИДОВИЧ***ФЕРГАНСКИЕ САМАНИДЫ ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

История Средней Азии в IX—X вв. является одним из наиболее разработанных разделов. Наличие для этого времени разных по характеру исторических и географических источников дало В. В. Бартольдву возможность сказать, что „наши сведения о жизни Туркестана при саманидах отличаются... исключительной полнотой не только в сравнении с предшествующими, но и в сравнении с последующими эпохами“.¹ Но и для этого времени имеются значительные пробелы и лакуны, ибо разные области, входившие в состав саманидского государства, освещены источниками далеко не с одинаковой полнотой. Одной из таких наименее изученных областей является Фергана; сведения источников о ней настолько фрагментарны и настолько в части политической истории подчинены описанию событий в центральных областях, что мы до сих пор не знаем даже хронологии и генеалогии саманидских наместников и владетелей Ферганы. Не случайно А. Н. Бернштам, много сделавший для разностороннего изучения Ферганы, вынужден был отметить: „Весьма неясной остается политическая история Ферганы в IX—X вв.“.² Поэтому особенное значение приобретают всякие другие источники, помогающие хотя бы частично пополнить и уточнить пробел в исторических хрониках. В этом аспекте большую важность приобретает нумизматика Саманидов, которой крупнейший русский нумизмат Х. М. Френ³ придавал большое значение в деле изучения политической истории Средней Азии в IX—X вв.

Саманидская нумизматика, как и история, по праву может считаться одним из наиболее освещенных разделов нумизматики Средней Азии. Саманидские монеты раньше многих других среднеазиатских монет стали объектами пристального изучения в силу того, что масса их обнаруживалась на территории России. Большое количество их опубликовано в порядке каталожного описания, им посвящены многочисленные отдельные статьи и заметки, а также

¹ В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 11—12.

² А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 27.

³ В. [Г.] Тизенгаузен. О саманидских монетах. ТВОРАО, ч. 1, СПб., 1855, стр. 24.

сводные работы по топографии их обнаружения. Наконец, именно саманидским монетам посвящена одна из немногих монографий, которые когда-либо были написаны по нумизматике Средней Азии. Наличие этих относительно многочисленных и разного характера публикаций, свидетельствующих о сравнительной разработанности саманидского раздела среднеазиатской нумизматики, не исключает необходимости и плодотворности дальнейшей работы над саманидскими монетами, хотя и не обещает легких и обильных успехов. Наиболее перспективным кажется изучение медных монет, поскольку они опубликованы и использованы с несравненно меньшей полнотой, чем серебряные. Не случайно наиболее интересные исторические наблюдения и факты в последних по времени статьях А. А. Быкова (1945 г.) и А. Ю. Якубовского (1946 г.) явились следствием изучения именно медных монет.¹

А. А. Быков в составе Исфаринского клада (Таджикистан) выявил несколько совершенно новых типов медных монет, которые позволили ему пересмотреть и дополнить сведения письменных источников относительно распределения власти и уделов между ранними Саманидами. В частности, ему удалось установить, что в течение длительного отрезка времени правителем Ферганы был Исхақ ибн Аҳмад, брат Исма'йла, хотя письменными источниками это не было отмечено. Рассмотрение шашских монет 255 г. х. и отождествление имен, упомянутых на этих монетах, вносят новый штрих, немаловажный для истории Шашской области.

В основу статьи А. Ю. Якубовского положены впервые им публикуемые шашские медные фельсы Йа'қуба ибн Аҳмада, другого брата Исма'йла. Монеты эти также являются серьезным дополнением для слабо освещенной письменными источниками истории Шаша — одного из крупнейших владений Саманидов — и в этом аспекте рассмотрены А. Ю. Якубовским при характеристике ранней истории саманидского дома.

Задачей настоящей работы также является рассмотрение нескольких неопубликованных монет, выпущенных в Фергане и проливающих некоторый свет на ее политическую историю в IX—начале X в.

В Государственном Музее искусств Узбекистана (Ташкент) хранится коллекция с Большого Ферганского канала (БФК). Одна из монет этой группы, не имеющая определения ни на этикетке, ни в акте передачи (в последнем она под № 17 названа просто „фельсом медным“), представляет значительный интерес для истории Ферганы X в. и для характеристики взаимоотношений между ферганскими Саманидами и саманидской центральной властью в лице прямых потомков Исма'йла ибн Аҳмада.

Ознакомление с этим экземпляром позволило определить его как медный фельс, чеканенный в Ахсикете от имени Мухаммада ибн Исхақа. Дату

¹ А. А. Быков. Новый клад медных куфических монет из Таджикистана. Тр. Отд. нумизм. Гос. Эрмитажа, I, Л., 1945, стр. 27—113. — А. Ю. Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе. КСИИМК, XII, М.—Л., 1946, стр. 103—112.

выпуска этой монеты мы читаем как 299/911—912 г., о чем ниже придется говорить особо.

Лиц. В поле — суннитский символ веры, в три строки (вариант: لا اله الا الله وحده لا شريك له 'Нет божества кроме Аллаха единого, нет у него сотоварища'). Кругом, между двумя линейными ободками, — надпись с выпускными сведениями: بسم الله ضرب هذا الفلّس باخسيكت سنة تسع تسعين و مائتين. Во имя Аллаха чеканен этот фельс в Ахсикете, в 299 году'.

Об. В поле — часть символа веры, имя Мухаммада ибн Исхака и внизу знак به محمد / رحول الله / محمد بن اسحق / بع (Власть принадлежит) Аллаху. Мухаммад посол Аллаха. Мухаммад сын Исхака'. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, — надпись с именем того же лица: مما امر به الامير محمد بن اسحق اعزه الله 'Из того, что приказал амир Мухаммад сын Исхака, да прославит его Аллах'.

Две совершенно аналогичные монеты впервые были описаны и обстоятельно разобраны А. А. Быковым.¹ Одна из них оказалась в составе упомянутого Исфаринского клада вместе с аббасидскими и саманидскими монетами и описана под рубрикой „неопределенных монет“. Плохая сохранность этого экземпляра не позволила А. А. Быкову прочесть на нем наименование города и дату выпуска, что было восполнено вторым экземпляром, поступившим еще в 1923 г. в Государственный Эрмитаж и помещенным в рукописном каталоге среди ранних саманидских монет. На монете Государственного Эрмитажа читается наименование города (Ахсикет) и дата ее выпуска — 249/863 — 864 г. Приводя впервые ее полное описание, А. А. Быков особо подчеркивал своеобразное и с точки зрения арабской грамматики неверное написание даты: (так!) و مائتين (так!) و اربع سنة تسع, почему и читал ее как 249/863—864 г., с оговоркой „повидимому“.

Касаясь личности Мухаммада ибн Исхака, упомянутого в надписях разбираемых ахсикетских фельсов, А. А. Быков отмечает отсутствие такого имени в списках известных ему правителей Мавераннахра IX в., в том числе среди представителей династии Саманидов; поэтому он считает преждевременным определение этих монет как саманидских. Со всей обстоятельностью разбирая различные возможности сопоставления имени Мухаммада ибн Исхака ахсикетской монеты Эрмитажа с каким-либо историческим лицом, упомянутым арабскими или персидскими источниками, а также анализируя состав надписей, А. А. Быков приходит к осторожному выводу о том, что „саманидской эта монета вряд ли может быть“ и что „до появления новых данных осторожнее не принимать окончательных решений относительно загадочной личности Мухаммада ибн Исхака и его монет“.

Эти новые данные, позволяющие вторично поднять вопрос о личности Мухаммада ибн Исхака, дает наша вышеописанная монета с БФК. Как уже сказано, она совершенно подобна двум экземплярам, опубликованным А. А. Быковым, по весу и диаметру примыкая к лучше сохранившейся

¹ А. А. Быков, ук. соч., стр. 93, 94, 103—105, табл. III, 2—3.

эрмитажной монете. Мелкие детали позволяют заключить, что наша монета чеканена другим штампом.

Однако дату на монете с БФК мы читаем не как 249/863—864 г., а как 299/911—912 г. Единицы и сотни совпадают в обоих чтениях, причем ошибка в написании слова, обозначающего сотни, отмеченная А. А. Быковым для эрмитажного экземпляра, повторяется и на нашей монете. Чтение же слова, обозначающего десятки, не как „сорок“, а как „девянсто“, основано на следующих данных палеографического анализа. Во-первых, последняя буква этого слова не может быть прочтена как 'айн, так как по всем другим примерам на этой же монете конец 'айна загибается вправо, а в данном случае он четко отогнут влево. Поэтому последнюю букву слова, обозначающего десятки, мы читаем как нун. Во-вторых, соединительный союз „ва“ между единицами и десятками на экземпляре с БФК отсутствует. Первые же две буквы по начертанию и занимаемому месту совершенно соответствуют двум первым буквам слова, обозначающего единицы, что позволяет читать их как та и син. Буква 'айн на монете с БФК является третьей по счету и непосредственно переходит в конечный нун. Таким образом, в целом получается تسعن 'девянсто', только без букв йа, т. е. с той же самой ошибкой, что и в слове, обозначающем сотни.¹

Опираясь на авторитетное указание А. А. Быкова относительно отсутствия в письменных источниках упоминания какого-либо Саманида с именем Мухаммада ибн Исхака (нет такого имени в таблицах Лен-Пуля—Бартольда и Цамбаура), мы вынуждены обратиться к анализу нумизматических данных на фоне исторической обстановки конца IX—начала X в.

После смерти в 250/864 г. первого саманидского владельца Ферганы, Ахмада ибн Асада, область перешла в управление к одному из его сыновей, Абү-л-Аш'асу Асаду. В 275/888 г. началась новая война между сыновьями Ахмада ибн Асада, причем на одной стороне были Наср и Асад, а на другой — Исма'ил и Исхақ. Дальнейшая судьба Асада после его двукратного поражения в 275/888 г. неизвестна, а соответственно неизвестно имя правителя Ферганы после военных действий 888 г. и примирения между Насром и Исма'илом. На этом моменте впоследствии нам придется остановиться специально, сейчас же важно подчеркнуть, что в 284/897—898 г. Ферганой

¹ Может быть дополнительный палеографический анализ позволил бы на ахсикетской монете Государственного Эрмитажа пересмотреть дату в части слова, обозначающего десятки. На фотографии четко видно, что начертание не совпадает полностью с экземпляром с БФК, ибо на эрмитажной монете последняя буква, несомненно, — 'айн, так как ее конец загнут направо. Однако буква 'айн в конце слова позволяет читать не только „четыре“, но также „семь“ или „девять“. Третья с конца буква также как будто не может быть принята за ра в слове „арба'ун“. Если же букву после слова, обозначающего единицы, считать не соединительным союзом „ва“, а первой буквой слова, обозначающего десятки, то по количеству составных элементов на эрмитажном экземпляре можно было бы читать „тис'ун“ — „девять“ (вместо „девянсто“). При таком варианте в обозначении десятков оказалась бы ошибка, как и в слове, обозначающем сотни. Однако настаивать на таком чтении на основании только фотографии мы не считаем возможным.

уже владел другой сын Ахмада ибн Асада, вышеупомянутый союзник Исмаїла, Исхақ ибн Ахмад. Письменные источники об этом обстоятельстве ничего не сообщают, как и вообще об Исхаке для данного отрезка времени. После 275/888 г. Исхақ в исторических хрониках вновь появляется только через два десятилетия, в 295/907 г. Однако этот пробел восполняется нумизматическими данными. Впервые факт принадлежности Исхаку Ферганы отметил А. А. Быков на основании медных фельсов, чеканенных в Ахсикете в 284/897—898 г. от имени Исхака ибн Ахмада. Три такие монеты оказались в коллекции Государственного Эрмитажа, а пять — в составе вышеупомянутого Исфаринскогоклада.¹ Аналогичная монета, чеканенная, однако, новым штампом и обладающая поэтому некоторыми частными палеографическими особенностями, была обнаружена в 1950 г. археологическим отрядом (начальник — М. Э. Воронец) Музея истории АН УзССР на городище Мунчак-тепе Папского р-на Наманганской обл. Ферганы и определена нами как чеканенная в Ахсикете в том же 284/897—898 г.

Ахсикетские монеты 284 г. х. и некоторые косвенные соображения позволили А. А. Быкову предположить, что до 295/907 г., когда Исхака ибн Ахмада заключил в тюрьму его племянник, он, вероятно, непрерывно оставался правителем Ферганы. Это предположение А. А. Быкова великолепно подтверждается неопубликованной монетой Музея истории АН УзССР (колл. 8, № 17), также чеканенной в Ахсикете Исхаком ибн Ахмадом, но не в 284 г. х., а несколькими годами позже, в 290/902—903 г.

В 298/910—911 г. Исхақ ибн Ахмад был освобожден из тюрьмы и назначен правителем Самарканда и Андижана, но в 301/914 г. он поднял восстание, претендуя на центральную власть, и на короткое время овладел почти всеми городами Мавераннахра и частично Хорасана. К этому году относятся серебряные дирхемы с его собственным именем. Восстание окончилось поражением Исхака и его сыновей, причем сам Исхақ был заключен в тюрьму, где и умер.

Если ахсикетскую монету Мухаммада ибн Исхака, чеканенную в 299/911—912 г., сопоставить с фактом принадлежности (во всяком случае до 301/914 г.) Ферганы Исхаку ибн Ахмаду и его сыновьям, то не будет вызывать сомнения вывод о том, что Мухаммад ибн Исхақ и является одним из сыновей Исхака ибн Ахмада. Если его имя не упомянуто историческими хрониками — это значит только, что он лично не принимал активного участия в борьбе против прямых потомков своего дяди Исмаїла ибн Ахмада, будучи в отсутствие отца фактическим правителем Ферганы. А события в Фергане для этого времени вообще не освещены письменными источниками, тем более что даже сам Исхақ ибн Ахмад в роли владетеля и правителя Ферганы ими вовсе не упомянут: он появляется в исторических хрониках только тогда, когда это касается центральных областей владений Саманидов. И, соответственно, из его сыновей в источниках упомянуты только те, которые принимали активное участие в борьбе с центральной саманидской властью.

Остается неясным только один вопрос: разрешил ли Мухаммаду сам Исхақ чеканить медь с упоминанием его, Мухаммада, имени и без упоминания своего собственного или Мухаммад незаконно присвоил себе это право? Первое предположение не лишено вероятия, ибо в 298/910—911 г. Исхақ получил в управление Самарканд и Андижан, а Ахсикет мог передать своему наименее воинственному сыну, так же, как сам когда-то получил этот город от брата и затем племянника.

После восстания 301/914 г. один из сыновей Исхақа и деятельный его сподвижник, Илйās ибн Исхақ, бежал в Фергану. Однако сыновьям Исхақа в ближайшее время не удалось сохранить управление и владение Ферганой с правом чекана медных монет от своего собственного имени, так как в следующие годы в Ахсикете чеканит сначала совсем другое лицо (об этом ниже), а затем медные монеты выпускаются от имени главы саманидской династии.¹ О потере Ферганы говорит также восстание, еще раз поднятое в ближайшее время (922 г.) в Фергане же Илйāсом ибн Исхақом и быстро подавленное.

Кто же управлял Ферганой после неудачного в 914 г. восстания Исхақа ибн Ахмада и его сыновей, в результате которого они потеряли все свои права и привилегии? Частичный ответ на этот вопрос также дают монеты, чеканенные в Ахсикете в 303/915—916 г. Нам известны три такие монеты: одна опубликована В. В. Бартольдом, а две неопубликованные хранятся в Музее истории АН УзССР.² Дата на одной из монет Музея истории АН УзССР стерта, но так как все три экземпляра одинакового типа — описание приводим общее:

Лиц. В поле — суннитский символ веры в три строки لا اله الا الله وحده 'Нет божества кроме Аллаха единого, нет у него сотоварища', а в четвертой строке — имя محمد بن اسد 'Мухаммад сын Асада'. Кругом, между линейными ободками, выпускные сведения: باسم الله ضرب هذا الفلص باخسيكت 'Во имя Аллаха чеканен этот фельс в Ахсикете в 303 году'.

Об. В поле — надпись в четыре строки с частью символа веры и именем Насра сына Ахмада: لله محمد رسول الله/نصر بن احمد (Власть принадлежит) Аллаху. Мухаммад посол Аллаха. Наср сын Ахмада'. Кругом, между точечным внутренним и внешним линейным ободками, — надпись с именем Мухаммада ибн Асада: مما امر به الامير محمد بن اسد اعزه الله 'Из того, что приказал амир Мухаммад сын Асада, да прославит его Аллах'.

¹ См. например, ахсикетские фельсы 304/916—917 г. и 320,932—933 г., чеканенные от имени Насра ибн Ахмада (914—943 гг.). (В. Тизенгаузен, ук. соч., стр. 145, 173).

² В. В. Бартольд. Из Минц-Кабинета при С.-Петербургском университете. II. Неизданный саманидский фельс. ЗВО, XII, СПб., 1900, стр. 060. — Одна из двух монет Музея истории АН УзССР (колл. Востфака, ведомость хранения 35, № 49) в описи определена Т. Миргязовым, как „Наср б. Ахмед, Ахсикет, 303“, а на этикетке как „Ахсикет 303. Наср б. Ахмед и Ахмед б. Асад“. Вторая монета (колл. 8, № 30) определена М. Е. Массоном как „Мухаммед б. Асад, Ахсикет“.

Итак, монеты чеканены в Ахсикете — столице Ферганы — от имени двух лиц: Насра ибн Ахмада и Мухаммада ибн Асада. Первое имя не вызывает никаких недоразумений: это Наср II ибн Ахмад, глава династии в 301/914—331/943 гг. Хотя местоположение его имени на монетном кружке и почетно, оно отнюдь не говорит о непосредственном владении монетной регалией и городом. Имя другого лица — Мухаммада ибн Асада — повторено дважды: в круговой надписи оборотной стороны и в поле лицевой стороны.

Собственные имена на медных саманидских монетах, как правило, помещались именно в этих трех местах: в поле двух сторон монетного кружка и в круговой надписи оборотной стороны. Обычно местоположение имен определялось значимостью упоминаемых лиц, характером их отношения к области, городу или даже монетному двору. В поле лицевой стороны по большей части упоминались не члены династии, а лица второстепенной значимости, вроде наместников или даже еще более мелких чиновников. В поле оборотной стороны упоминались в большинстве случаев члены династии, особенно часто — главы династии или вообще лица, осуществлявшие какое-либо верховное владычество (вроде халифов, имена которых на серебряных монетах помещались именно в поле на обороте монеты). Правда, нельзя не отметить, что такое распределение не было стандартным и абсолютно обязательным. Могут быть некоторые варианты и другие сочетания, так что при анализе нельзя исходить только от расположения имен, однако и не учитывать это обстоятельство было бы неправильно. Кроме того, третье местоположение — круговая надпись оборотной стороны — в отличие от первых двух всегда имеет один смысл, если начинается с вводной формулы *مما امر به الامير* 'Из того, что приказал амир'. Имя в такой надписи могло принадлежать только тому лицу, которому принадлежала монетная регалия и, в конечном счете, фактическая власть в данном городе или области. Эта власть могла осуществляться непосредственно или через наместника (имя которого поэтому появлялось иногда в поле монетного кружка, чаще на лицевой стороне), но это была власть, со всеми связанными с ней экономическими и политическими атрибутами. Именно вследствие этого на основной массе серебряных и медных монет в круговой надписи оборотной стороны поставлено имя главы саманидской династии. Если же в данном месте упомянуто другое имя — это требует специального рассмотрения и находит свое объяснение в сепаратистских стремлениях или особом политическом положении упомянутого лица.

На разбираемых ахсикетских монетах 303/915—916 г. в круговой надписи оборотной стороны, после вводной формулы 'Из того, что приказал амир', стоит не имя саманидского государя Насра II, а имя какого-то Мухаммада ибн Асада. Следовательно, Мухаммад ибн Асад был фактическим правителем Ахсикета в 303/915—916 г., обладал монетной регалией, политическими и экономическими правами. При этом он признавал саманидского государя Насра II своим верховным главой, так же как, например, сами Саманиды признавали халифов. Свое формальное признание и номиналь-

ное главенство саманидского государя Мухаммад ибн Асад подчеркивал тем, что в поле монетного кружка проставлял имя Насра II, чего не делали, между прочим, его предшественники в Фергане, Исхақ ибн Ахмад и его сын Мухаммад ибн Исхақ. Два последних лица, как уже было показано, управляли Ферганой при саманидских государях Исма'йле (279—295/892—907 гг.), и его сыне Ахмаде (295—301/907—914 гг.), но в разобранных выше монетах вовсе не проставляли их имен (табл. 1). Это обстоятельство характеризует определенную разницу во взаимоотношениях между названными тремя лицами и центральной саманидской властью.

Среди членов саманидской династии восточные авторы в качестве правителя Ферганы не упоминают Мухаммада ибн Асада, но отмечают полководца Абӯ'Амра Мухаммада ибн Асада, подавившего в 922 г. восстание, поднятое в Фергане одним из сыновей ее бывшего правителя Исхақа. Естественное всего было бы отождествить имя Мухаммада ибн Асада на монетах с названным полководцем, тем более что дату чекана монет (915—916 г.) и свидетельство источников о подавлении восстания (922 г.) разделяет всего 7—8 лет. Такое именно отождествление и предложил В. В. Бартольд. Публикуемый им фельс, по его словам, „любопытен тем, что дает нам имя члена династии Саманидов, которое, насколько нам известно, на монетах до сих пор не встречалось. Очевидно, названный здесь Мухаммед ибн Асад тождествен с упомянутым у Ибн ал-Асйра Абӯ'Амром Мухаммедом ибн Асадом, усмирившим в 310 (922) г. в Фергане восстание царевича Ильяса ибн Исхақа“.¹ К сожалению, В. В. Бартольд ограничился этим коротким замечанием и не рассмотрел ни родословной Мухаммада ибн Асада, ни характера его прав на Фергану, ни обстоятельств, определивших возможность его самостоятельного чекана, и т. д. Между тем ахикетские монеты в сопоставлении с общеисторической ситуацией открывают определенные возможности в этом направлении.

Особенно примечательно имя отца Мухаммада — „Асад“. Примечательно оно тем, что такое имя носил один из сыновей Ахмада — первого владельца Ферганы, причем именно этот Асад ибн Ахмад получил Фергану после смерти своего отца Ахмада. Обращают внимание два совпадения. Оказывается, что Асад ибн Ахмад и Мухаммад ибн Асад являются владельцами одной и той же Ферганской области, причем имя первого совпадает с именем отца второго. Известные хронологические даты из жизни обоих лиц, а также анализ общеисторической обстановки делают совершенно правдоподобным допущение, согласно которому Мухаммада ибн Асада следует считать сыном второго владельца Ферганы, Асада ибн Ахмада и внуком первого владельца Ферганы, Ахмада ибн Асада.

После смерти названного первого правителя Ферганы, Ахмада ибн Асада, в 250/864 г. его сыновья образовали две основные группировки: во главе одной стоял наследовавший Ахмаду Наср (к тому же — глава династии после

¹ В. В. Бартольд. Из Минц-Кабинета. . . , стр. 059.

смерти отца), а во главе второй — Исма'ил. Взаимоотношения между обоими братьями носили то мирный, то враждебный характер. Два других брата — Асад и Исхақ — принимали самое деятельное участие в этих междоусобицах, причем Асад на стороне Насра, а Исхақ на стороне Исма'ила. Такие группировки не кажутся случайными. Асад в это время владел большой Ферганской областью и поэтому, естественно, поддерживал законного саманидского государя Насра. У Исхақа в это время не было крупного владения, и он рассчитывал получить таковое только с победой Исма'ила. Его расчеты прекрасно оправдались, когда уже в 273/887 г. Исхақ (после временного примирения Исма'ила и Насра) получил в управление Бухару. После новой войны 275/888 г., победы Исма'ила, взятия в плен Насра и бегства Асада, т. е. после полного поражения противной группировки, Исхақ мог ожидать достойной награды за верность и содействие Исма'илу. Хотя после своей победы Исма'ил внешне признал старшинство Насра, так что последний до конца жизни оставался главой государства, — победа Исма'ила была слишком очевидной и значение ее не могло быть преуменьшено.

Об Асаде после событий 275/888 г. письменные источники уже как будто не упоминают. Но ясно, что после победы 275/888 г. Исма'ил, из политических соображений сохранивший престол за Насром, совсем по-другому расправился с остальными своими врагами, в частности и с неудачливым союзником Насра, Абу-л-Аш'ом Асадом. Не случайно в исторических хрониках сообщается, что Асад бежал. Исма'ил должен был вознаградить Исхақа. Если к тому же учесть, что, по нумизматическим данным, относящимся к 284—290 гг. х., именно Исхақ выступает в качестве владетеля Ферганы, — не будет вызывать сомнений, что Фергана была отнята у Асада и передана Исхақу Исма'илом. Для этого акта 888 г. был чрезвычайно благоприятен, так как он ознаменовался военной и морально-политической победой над лагерем Насра и поэтому возможно допустить любые уступки со стороны последнего.

Так как Исхақ получил Фергану от Исма'ила и от него же впоследствии право чекана медных монет со своим собственным именем, — он до конца оставался верным Исма'илу и не бунтовал против него. Последнее обстоятельство лишний раз подтверждает правильность нашего вывода о том, что Фергана Исхақу досталась через Исма'ила и в результате побед над противной группировкой Насра—Асада, т. е. в том же 275/888 г.

После смерти Исма'ила положение изменилось. Исма'ил в свое время наследовал престол Насра как брат. Поэтому Исхақ после смерти Исма'ила мог считать свои претензии на престол наиболее законными; но Исма'илу наследовал его сын Ахмад. Однако и Ахмад, вероятно, понимал известную законность претензий своего дяди Исхақа. Не случайно он заключил Исхақа в тюрьму в 295/907 г., т. е. в год своего вступления на престол. Не исключено, что со стороны Исхақа уже имели место открытые враждебные выступления. Исхақ был освобожден только в 298/910—911 г. и сразу получил в управление два крупнейших города — Самарканд и Андижан. Это нельзя

рассматривать иначе, как негласный договор, взаимные уступки и отказ со стороны Исхақа за эту материальную компенсацию от всяких претензий на престол. В результате в руках Исхақа и его семьи оказались и Самарканд, и вся Фергана, поскольку в следующем, 299/911—912 г. в столице Ферганы, Ахсикете, чеканит монету его сын Мухаммад ибн Исхақ.

Как выше уже отмечалось, на монетах Исхақа и его сына Мухаммада, чеканенных в Ахсикете, имена глав династии не упоминались. Это лишний раз свидетельствует о том, что в Фергане они были полностью самостоятельными удельными владельцами. Исхақ, кроме того, претендовал и на центральную власть. Еще одну попытку овладеть престолом он сделал в 301/914 г., после гибели своего племянника амира Ахмада. На короткое время ему даже удалось это осуществить, свидетельством чего являются давно уже обратившие на себя внимание серебряные монеты с его именем.

Подводя итог всему сказанному, развитие отношений между Исхақом и его семьей, с одной стороны, и центральной саманидской властью — с другой, можно разделить на три этапа: первый этап, когда Исхақ выступал союзником Исмаїла, через него получил крупное Ферганское владение, считал себя внутри Ферганы полностью самостоятельным, но на центральную власть не претендовал; второй этап, когда Исхақ уже претендовал на саманидский престол, но пошел на компромисс и материальную компенсацию за отказ от своих претензий на центральную власть; третий этап, когда Исхақ открыто восстал, объявил себя главой династии и даже имел временный успех. Потерпев поражение на этом третьем этапе, Исхақ, естественно, лишился свободы, своих владений и привилегий.

Кому же досталась Фергана после поражения Исхақа и его семьи? Каких представителей саманидского дома могла и должна была центральная власть противопоставить семье Исхақа в отношении прав на Фергану? (А противопоставить все же было необходимо в качестве морально-политического оправдания окончательного разгрома и полного лишения привилегий всех членов семьи Исхақа).

Самыми естественными и законными претендентами на Фергану должны были выступить потомки Абу-л-Ашаса Асада, когда-то владевшего областью и потерявшего ее в результате побед Исмаїла и Исхақа. Можно даже предполагать, что на протяжении всего рассматриваемого времени семья Асада не переставала претендовать на бывшее владение Асада — Фергану. Но пока Исхақ на третьем этапе не отказался от всяких компромиссов с центральной властью, такие претензии не могли быть очень опасными и основательными и не встречали нигде особой поддержки. Зато после открытого восстания Исхақа и его поражения такие претензии были не только своевременными, но должны были встретить очень благоприятный прием, так как вполне законные претензии семьи Асада придавали отнятию Ферганы у семьи Исхақа вид возвращения этой области ее первоначальным законным владельцам. В этом аспекте ахсикетские монеты 303/915—916 г.) с именем Мухаммада ибн Асада приобретают новое значение. Если к тому же

учесть, что на них упомянуто имя главы династии, Нафра II ибн Ахмада, предложенное отождествление Мухаммада ибн Асада монет с не отмеченным письменными источниками сыном Абū-л-Аш'аса Асада уже не будет вызывать сомнений. В период разгрома Исхақа он получил Фергану при содействии центральной власти, номинальное признание которой и оформил упоминанием в монетных надписях Нафра II. Вместе с тем законность своих прав на Фергану, отнятую когда-то у его отца, Мухаммад подчеркнул с разрешения центральной власти медным чеканом от своего собственного имени с титулом амира.

Однако показательно, что уже в следующем, 304/916—917 г. мы видим в Ахсикете медный чекан от имени только главы государства, Нафра II ибн Ахмада. Никаких других имен на этих и следующих монетах нет. Почему Мухаммад ибн Асад так быстро был лишен права чекана медных фельсов от своего имени? Не исключено, что он, начав с полунезависимости в Фергане, вскоре стал претендовать на большее, так что его или сместили или лишили всяких прав и привилегий.

Таким образом, после смерти первого владельца Ферганы, Ахмада ибн Асада, область оказалась во владении сначала двух его сыновей, а потом — двух внуков, причем вторая половина IX и начало X в. характеризуются борьбой за Фергану этих двух семей: семьи Асада ибн Ахмада и семьи Исхақа ибн Ахмада (табл. 2). Взаимоотношения членов обеих семей с центральной саманидской властью обычно решали исход этой борьбы, но в любом случае Фергана со столичным Ахсикетом представляла самостоятельное, фактически независимое крупное удельное владение, лишь номинально признававшее центральную власть. Характер взаимоотношений между ферганскими удельными владельцами (из представителей двух названных семей) и центральной саманидской властью в некотором роде напоминает более ранний период истории Саманидов и их взаимоотношения с Тахиридами. Ферганские владельцы на указанном отрезке времени имели право чеканить медные монеты от своего собственного имени, так же как раньше Саманиды при Тахиридах. Монеты, сохранившие имена трех забытых письменными источниками владельцев Ферганы, открыли одну любопытную страничку из очень слабо освещенной истории этой области в IX—X вв.

Эти же монеты дают новый материал для характеристики одной из сторон государственного устройства при Саманидах. Саманидское государство включало области, как целиком подчинявшиеся центральному управлению, так и фактически независимые и лишь номинально признававшие центральную власть. В первых сидели наместники, управлявшие от имени центральной власти и получавшие за это определенное жалованье; вторые принадлежали местным владельцам-династам досаманидского происхождения, которые все налоги собирали в свою пользу. Исследователями-историками детально проанализирована система устройства центрального государственного аппарата

Таблица 1

Собственные имена на медных ахсикетских монетах конца IX—начала X в.

Дата хаджры	Поле лицевой стороны	Поле оборотной стороны	Круговая надпись оборотной стороны
284 290	—	Исҳақ	Амӣр Исҳақ ибн Аҳмад
299	—	Муҳаммад ибн Исҳақ	Амӣр Муҳаммад б. Исҳақ
303	Муҳаммад ибн Асад	Наср ибн Аҳмад	Амӣр Муҳаммад ибн Асад
304	—	Наср	Амӣр Наср ибн Аҳмад

Таблица 2

Генеалогическая таблица ферганских Саманидов IX—начала X в.



и областного управления, отмечены по письменным источникам особенности и характер взаимоотношений между центральной саманидской властью и владельцами фактически самостоятельных областей (вроде Хорезма, Исфиджаба, Саганиана, Хутталаяна и др.), но до настоящего времени даже не поставлен вопрос о том, какие доходы и в какой форме получали многочисленные члены династии. Если они назначались правителями отдельных областей или городов — имело ли это (с точки зрения экономической) вид ленного пожалования с переходом части или всех доходов в пользу владельца, или они совсем не отличались от обычных наместников и получали определенное жалованье? С точки зрения государственного устройства, выступали ли такие правители из членов саманидской династии в качестве удельных владельцев, независимых во внутренних делах, или они зависели от центрального аппарата управ-

ления? Все эти и другие вопросы ждут еще своего рассмотрения. Письменные источники, к сожалению, не дают на них прямых ответов. Тем большую ценность приобретают всякие косвенные указания. Изучение ахсикетского чекана, в частности, дает основание утверждать, что на рассмотренном отрезке времени, т. е. в IX—начале X в., Фергана была крупным самостоятельным удельным владением, лишь номинально признававшим центральную власть. Следовательно, для отдельных отрезков времени и для отдельных областей можно говорить, что некоторые члены династии получали не наместничество, а имели настоящие уделы со всеми вытекающими из этого определения политическими и экономическими характеристиками.

Организация управления собственно саманидской территорией (т. е. без областей типа Хорезма, Исфиджаба, Хутталяна и др.) дала основание исследователям рассматривать саманидское государство как в известной мере централизованное. Ферганский материал показывает, что этому же самому государству в пределах собственно саманидских областей не были чужды элементы и черты того подлинно феодального удельного устройства, которые в следующие столетия станут типичными и господствующими. Следовательно, условия для победы удельной государственной системы вызревали еще в рамках и внутри саманидского государства, только восточные исторические хроники не оставили на этот счет конкретных указаний.

А. Н. БЕРНШТАМ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ИЗ ФЕРГАНЫ

В 1951 г. во время работы ПФАЭКЭ группа научных сотрудников экспедиции была отправлена на обследование руин Ош-хона. Эти развалины отстоят на 2—3 км от древнего центра Южной Ферганы города-ставки Хумынь (тюрк. кумыр 'уголь') и известны ныне под именем развалин Мык-Пошо ('Царь магов').

Все тепе и другие развалины в этой местности, расположенной к югу от г. Ферганы, в районе с./с. Ауваль (ср. средневековое название округа Аувал), связываются местным населением с центральными развалинами Мык-Пошо. Таковы, кроме Мык-Пошо, к северу от него Худжо-тепе, Сеид-тепе, Узлюк-тепе, а к востоку и югу — Муллоташ-тепе, Кара-тепе и упомянутое тепе Ош-хона. Отсюда, из Ош-хона (букв. 'столовая'), по легендам, бытующим у местного населения, подавали из рук в руки кушания, изготовленные для падишаха мугов в Мык-Пошо.

Ош-хона — развалины древнего замка, причем, судя по подъемному материалу, здесь действительно была постройка, синхронная развалинам Мык-Пошо, на которых сейчас ведутся систематические раскопки. При первоначальном осмотре развалин Ош-хона сотруднику экспедиции Ю. А. Заднепровскому удалось найти обломок (12 × 10 см) от сравнительно крупного сосуда в виде небольшого хума, характерного для раннего средневековья. Венчик хума сильно оттянут кнаружи, с рельефным орнаментом в виде налепа с вмятинами, сделанными пальцами по внешнему краю. Сосуд был с горловиной до 35 см в диаметре и, судя по аналогиям, до 50—60 см высотой. По верхней плоскости этого венчика была сделана, явно до обжига, врезанная достаточно глубоко острым резцом надпись руническим шрифтом, часть которой сохранилась (рис. 2). Справа налево читается первая буква, от которой осталась вертикальная черта и боковой скол, что дает возможность предполагать (весьма гадательно) букву **1**. Далее следуют вне всяких сомнений буквы **ГЧЧ**. Надпись можно транслитерировать *prgu* и транскрибировать **pʰr* (?) *igu*.

Высота букв до 16 мм. Резец был в руках грамотного человека, хотя буквы исполнены отнюдь не каллиграфически. Ввиду того, что перед нами явно только обрывок надписи, переводить ее весьма рискованно. Однако мы не можем отказать себе в возможности видеть в последней части надписи

слово «гу букв. 'сын',¹ что вполне закономерно может закончить написание имени мастера или владельца этого сосуда. Возможно, мастер специально готовил этот сосуд для будущего владельца и исполнил эту надпись до обжига сосуда.

Предположительно думаю, что остаток имени звучал *p*г. Это имя-этноним, известное в рунических текстах, прежде всего в классической надписи Кюль Тегина, имя, которое в свое время вызвало достаточно много толкований.

Однако суть не в переводе этих пяти букв. Сосуд, судя по его объему, технике исполнения, принадлежит к типичным предметам быта местного, земледельческого населения. Это не утварь кочевников. Следовательно, мастер, изготовивший этот сосуд, был всего вероятней 'оседлый, связанный с земледельческой средой, ферганец. Однако он воспользовался алфавитом тюрков, хотя ферганцы знали и другие алфавиты — кушанский (?)² и позднее уйгурский.³

По поводу кушанского происхождения надписи на сосуде из Фархадстрога у меня некоторые сомнения. Мне кажется, что здесь, во-первых, справа арабскими буквами надпись يلي, а во-вторых, ниже слева две группы рунических букв $\Upsilon \wedge$ и $\Upsilon \{$ — š š nč ič (?) — aš ('s¹nč) ič (вар. š) (рис. 1).

Во всяком случае, это — тюркская руническая надпись, перевод которой, однако, чрезвычайно труден. Можно предположить, что первое слово aš — это 'пища', 'корм'.⁴ Хотелось бы видеть в последующих буквах слово š¹nč с вар. š¹č 'сосуд', 'горшок'.⁵ Последнее слово ič допускает различные чтения ('внутренность', повелительное наклонение от глагола «пить» и т. д.). Элементов кушанского алфавита, как это предполагала К. В. Тревер, в этой надписи не усматриваю.⁶

Если наша догадка верна, следует и датировать этот сосуд, хотя, быть может, надписи на нем были сделаны значительно позднее. Издатель этой находки пишет: «Затупленным острием, после обжига, на расширенную часть корпуса нанесены письменные знаки. С одной стороны нанесены три группы букв, по две-три буквы в каждой, ступенчато повышающихся в направлении слева направо».⁷



Рис. 1. Прорисовка надписи руническими и арабскими буквами на сосуде с Фархадстрога.

¹ W. Radloff. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei, III. СПб., 1895, стр. 359. В рунических текстах Енисея уру — часто составная часть имени. Ср. уру 'племя', 'род', 'родовое имя' (СТН, т. I, табл. 1658).

² С. К. Кабанов. Археологические находки на Фархадстрое. Изв. АН УзССР, № 5, 1948, стр. 77, рис. 4.

³ А. Н. Бернштам. Уйгурская надпись из Эрши. ЭВ, VI, 1952.

⁴ СТН, т. I, табл. 583.

⁵ МК, 25. Буквы š и č здесь нейтральные и допускают мягкое чтение.

⁶ С. К. Кабанов, ук. соч., стр. 78.

⁷ Там же, стр. 77. (Разрядка наша, — А. Б.).

Возможно, что надписи отражают „вторую жизнь“ сосуда, и наличие арабских букв на сосуде говорит о том, что вряд ли эти надписи нанесены раньше начала VIII в. н. э.

Сочетание рунических и арабских надписей известно по более ранним находкам в других местах Средней Азии (Иссык-Куль, Койсара).¹

Очевидно, в Фергане был достаточно широко распространен и рунический тюркский текст, во всяком случае были „потребители“ этого письма и текстов, написанных этим письмом.

Последнее согласуется с указаниями Сюань-Цзана, династийных историй (вероятно по информации Сюань-Цзана) и Хой Чао,² что в VII—VIII вв. в Фергане было значительное тюркское население, правда, проживавшее к северу от Чженьчжу, т. е. Сыр-Дарьи (соврем. Наманганская обл. Узбекской ССР).

Нам известны еще другие рунические тексты из Ферганы. Один из них, тоже на венчике хума, хранится в Кабинете археологии САГУ. Это — случайная находка геологов.³ Благодаря любезности М. Е. Массона я получил фотографию этой надписи и описание фрагмента, которые здесь и воспроизвожу (рис. 3).

Проф. М. Е. Массон сообщает: „Фрагмент принадлежит венчику хума VII—VIII вв. Найден он в урочище Кизил Пиляу, в 9 км к северу от Исфары, на правом берегу одноименного сая на склоне горки, вершина которой занята развалинами. С горкой связано предание о двух великанах, из которых один проживал на ней, а второй на «Черной Пиляу». Размер надписи примерно 3 × 6 см. Высота букв до 3 см. Транслитерирована она может быть следующим образом: , т. е. k'ṛṇṣ. Здесь мы также имеем окончание более длинной надписи. От предшествующих слов (слова?) сохранилась часть буквы k', которая не может читаться вместе с последующими.

Отнюдь не каллиграфически исполненные буквы и условность транслитерации тем более заставляют воздержаться от транскрипции надписи и ее перевода. Ясно только, что здесь иной текст, чем на фрагменте из Мык-Пошо и другом фрагменте из Исфары, о котором речь идет ниже.

Из частных писем археологов Б. А. Литвинского и Е. А. Давидович мне стало известно о нахождении ими во время работ Кайракумского отряда Таджикской археологической экспедиции АН ТаджССР в 1951 г. рунической надписи на фрагменте хума.⁴ Фрагмент был найден в Исфаринской долине,

¹ С. Е. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. ИАК, ОГН, 1929, стр. 804—805.

² А. Бернштам. 1) Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао. ВДИ, 1, 1952 (здесь же литература вопроса); 2) Древняя Фергана. Ташкент, 1951.

³ М. Е. Массон. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса. Матер. ЮТАКЭ, вып. II, М.—Л., 1951, стр. 13, прим. 1.

⁴ Б. Литвинский и Е. Давидович. Археологические работы в Ленинабадской области. Газ. „Коммунист Таджикистана“, 19 января 1952 г., № 16 (6368), стр. 3. Ср.: Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. Инст. истории, археол. и этногр. АН ТаджССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955, стр. 121—122, 170.



Рис. 2. Фрагмент венчика хума с рунической надписью из Ош-хона (оазис Мык-Пошо).
Находка 1951 г. Коллекции ПФАЭКЭ.



Рис. 3. Фрагмент венчика хума VII—VIII вв. с рунической надписью
из Кизил Пиляу (Исфара). Археологический кабинет САГУ.

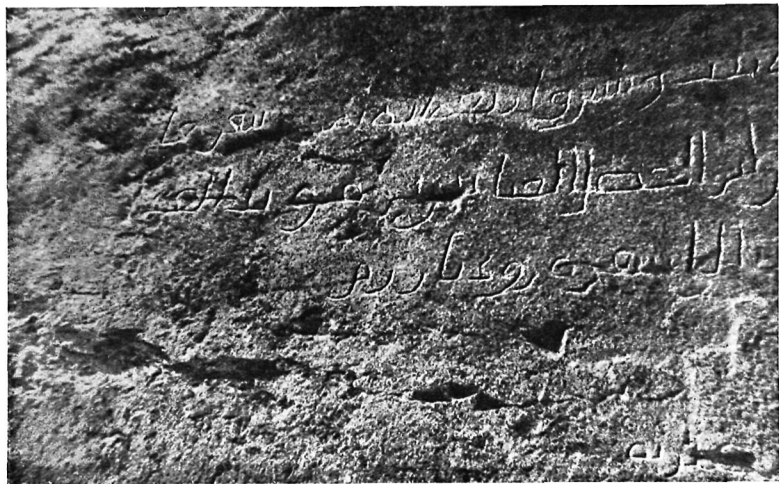


Рис. 4. Фрагмент Варухской надписи арабским алфавитом. Находка 1950 г. Из фотографий ПФАЭКЭ.

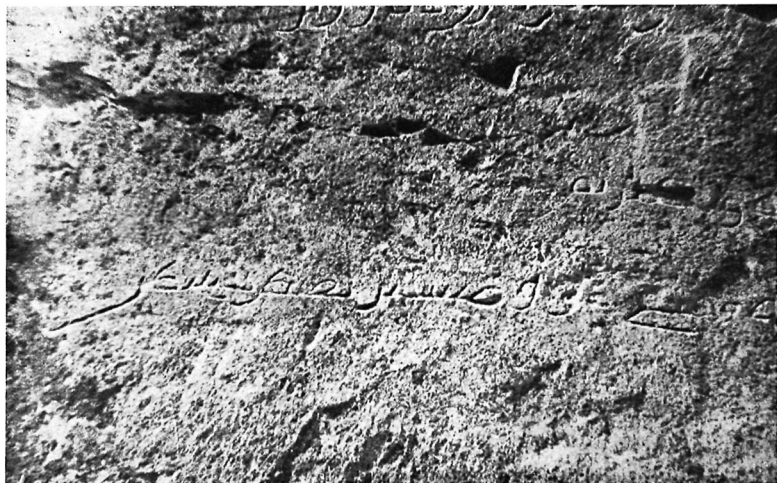


Рис. 5. Фрагмент Варухской надписи уйгурским письмом. Находка 1950 г. Из фотографий ПФАЭКЭ.

выше по саю от известной крепости Кала-и-Боло. Это фрагмент хума с шестью руническими знаками, исполненными очень четко.

Мне была любезно предоставлена прорисовка надписи на фрагменте хума размером 6.3×9 см (рис. 6). О надписи Е. А. Давидович в письме сообщает следующее: „Знак первой обломан как раз по линии, но скорее всего это $\hat{\Lambda} = t$; знак шестой несколько длиннее остальных. Может быть он последний в слове, так как до излома расстояние несколько шире остальных промежутков между буквами.

Надпись четкая, сделана до обжига, на внутренней стороне сосуда, причем низ обращен к венчику“.

Е. Давидович права, что первая буква несомненно руническая буква $\hat{\Lambda}$ и связана с концом утраченного слова. Остальные буквы не вызывают сомнения $\Pi \cdot \text{D} \cdot \text{C} \cdot \hat{\Lambda}$, и вся надпись транслитерируется $\text{trn} : \text{lyš}$. Если не принимать во внимание первую букву $\hat{\Lambda}$, то остальные, по-моему, составляют два слова $^a \text{r}^n : ^a \text{lyš}$. Точку между буквами 3 и 4 я принимаю как разделительный знак. Возможный перевод весьма любопытен: „...двор.¹ Подать“.²

Очевидно, мы здесь имеем дело со стандартным сосудом для сбора подати какими-то продуктами с определенного (?) или стандартного по объему хозяйства. К сожалению, утрачена первая часть фразы, к которой относится упомянутая буква t .

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что фрагменты с руническими надписями были найдены в южной Фергане, причем две из четырех известных надписей происходят из Исфары. Таким образом, хотя северная Фергана считалась принадлежащей тюркам, а южная — местным ираноязычным династам, все же тюркское письмо было и здесь распространено. Судя по сохранившимся фрагментам, надписи были различного содержания (имена, стандарты).

Отмечу, что разбираемые надписи в основном исполнены на более или менее сходных по объему хумах, но тексты варьируют. Таким образом, можно сказать достаточно определенно, что они обозначали не только стандарт и функцию сосудов, но отмечали и принадлежность их владельцу или имя мастера. Таким образом, руническое письмо выполняло различные функции, причем было рассчитано на чтение тюркоязычным населением или населением, знавшим тюркскую речь.



Рис. 6. Прорисовка рунической надписи из Исфары (район крепости Кала-и-Боло). Коллекция Согдийско-Таджикской экспедиции.

¹ Aran — двор; см.: МК, 10; СТН, т. I, табл. 251.

² См. словарь С. Малова к труду Радлова: W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Ленинград, 1928, стр. 262, *alyš* 'побор (название подати)'. Желательно было бы видеть в конце слова *alyš* руни. C .

Не случайно, что впоследствии эти южные районы, в частности Исфара, были личными уделами тюркских владетелей, о чем, например, говорит знаменитая Варухская надпись, переведенная В. Бартольдом¹ и К. Иностранцевым² (рис. 4 и 5). Наличие надписи, исполненной руническим шрифтом, тем более подчеркивает усиление тюркского элемента в Фергане, что немало способствовало сложению здесь древнеузбекских этнических элементов.

С точки зрения географии рунического письма после обнаружения древнетюркского документа на коже с горы Муг³ эти находки едва ли не самые важные открытия, указывающие на роль тюрков в Средней Азии, тем более, что документ с горы Муг — это письмо, которое могло придти с любой стороны, в то время как сосуды в виде хумов, как, например, из Ош-хона и Исфары, вряд ли предназначались к далеким перевозкам. Следовательно, находки в руинах Ош-Хона, Исфаре и тому подобные документы грамотности аборигенного тюркоязычного населения Ферганы, являвшегося здесь достаточно прочным и количественно массовым этническим элементом, поскольку оно могло вызвать к жизни эту надпись. В этом значение текстов, сделанных руническим алфавитом на утвари местного населения из Ферганы, найденных советскими археологами.

В заключение приношу благодарность всем лицам, которые предоставили в мое распоряжение интересующие меня материалы.

В письме от 11 III 53 г. Е. А. Давидович сообщила еще о двух находках рунических знаков на обломках крупных сосудов из замка Кала-и-Боло.

В одном случае мы усмотрели буквы ГЧ, т. е. zn:p. Чтение невозможно. Здесь конец фразы (слова?) и первая буква второго слова (фразы?). Как и в первом случае, разделительная точка (а не двоеточие). Возможно, что буквы zn — окончание глагола [bol] zⁿ, т. е. „Да будет“, подобно согдийской надписи из Сарыга „Да будет [полным]“⁴ благопожелание.

Знаки на втором сосуде в виде римской цифры VI — мне не понятны. Это не руника, а орнамент.

¹ См. ПТКЛАА, г. IX, 1904, стр. 46—48, ср. стр. 43—46.

² О толковании нижней надписи в Варухском ущелье см.: сб. МАЭ, т. V, вып. 2, Л., 1925, стр. 553 и сл.

³ А. Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. ЭВ, V, 1951. Ср. рец.: С. Е. Малов. Изв. АН СССР, отд. лит. и языка, № 2, 1954, стр. 197—198.

⁴ А. А. Фрейман, ВДИ, 1939, № 3.